

Что с кинематографом? Судя по тому, как часто об этом спрашивают, тема эта занимает многих. Что там у вас, живы ли, и если да, то где ваши фильмы, почему их не видно, кто и где их крутит, а если не крутят, то на какие деньги вы живете? Словом, вопросов много. Производство одного художественного фильма, скажем так, средней сложности, без исторических декораций и батальных сцен, обходится на сегодняшний день почти в миллиард, не считая тиражирования и рекламы. Выручка же от продажи фильма на кинорынках — это в лучшем случае 100 миллионов. Как же вы живете?

Вот так и живем. В минувшем 1993 году в России было снято 137 полнометражных фильмов, сейчас в производстве поменьше — что-то около 80. Более половины из них снимается благодаря финансовой поддержке Госкомитета по кинематографии Российской Федерации, то есть на бюджетные средства, не покрывающие, впрочем, всей их стоимости; остальные деньги принадлежат (лучше сказать, принадлежали) различным спонсорам, инвесторам в лице банков и предприятий. Как правило, добывают эти деньги сами режиссеры — звонят, ездят, уговаривают и,

60-х. Одним словом, нормальному честному художнику, если он не шел на прямой конфликт с властями и на что-то закрывал глаза, жилось совсем не худо и при советской власти. Добавьте к этому почести и награды, щедро сыпавшиеся на нас в последние годы, все эти звания — заслуженных и народных, от которых никто не отказывался...

И все это ушло. (Звания, впрочем, остались.) А что взамен?

Свобода.

Свобода, но опять же не та, которой мы так страстно желали. То есть свобода не только для нас, честных шестидесятников, но и для них — для поставщиков чернухи и порнухи, для бессовестных торгашей и т. д. и т. п., при том, что они стократ оборотистее нас.

И вот итог: тоскуем по прошлому! **Кинематограф, который мы потеряли.** Вот чего мне по-настоящему жаль из утраченного — нашей удивительной сценарной школы, культуры “русского сценария”, как называли на Западе нашу кинодраматургию, пригодную одинаково для чтения и постановки, где автор выступает не подмастерьем режиссера, а самоценным художником, творцом содержания и

тафору Артура Пелешяна встречены были настоящей овацией.

Но я уже сбиваюсь на рецензию, сказать же хотелось о том, что хорошие фильмы у нас по-прежнему есть, в том числе и такие, которые — по содержанию своему, по стилистике — не могли бы появиться в прежние годы. Это не значит, что мы превзошли достижения тех лет. Как ни печально признаться, свобода не прибавила сил нашему кинематографу. Уж, казалось бы, дайте только вздохнуть, уж мы развернемся, а этого пока не случилось. Не потому ли, что ушла энергия сопротивления, питавшая нас... А что взамен?

Еще недавно нас пугали продюсером. Вот погодите, придут денежные люди, как на Западе, и советский редактор-цензор покажется вам сущим ангелом: редактора можно еще и уговорить, и обмануть (часто с его же молчаливого согласия), а попробуйте обмануть человека, который вкладывает свои деньги!

Ничего подобного пока не случилось. Нет такого продюсера. Потому что деньги, как ни странно, ничьи. Вот так, ничьи. Никто не требует в них полного отчета — ни спонсор, ни государство. Инфляция делает совершенно бессмысленным финансовый контроль. Такой безграничной свободы еще не знал никто. Режиссер, раздобывший деньги на постановку, волен снимать все, что хочет и как хочет, и делает это часто без малейшего желания ответить на ожидания зрителя, будь то массового или элитарного, хоть какого-нибудь!.. Сидя в зале по долгу жюри “от” и “до”, я, по правде сказать, не раз вспоминал наших прежних редакторов. Уж что-то, а сократить этот тоскливый двухчасовой фильм, довести его до нормальных полутора они бы заставили, да и помогли. Где вы, редакторы? Сколько вас осталось на студиях? А те, что остались, совсем опустили руки? Жаль!

Вот такие странные парадоксы преподносит нам сегодняшнее, как видите, совсем не умершее кино.

“Поклонялся тому, что сжигал?..” Охи и вздохи, овладевая массами, становятся материальной силой, и сила эта тут же упирается в проклятый неотменимый вопрос: кто виноват? Минувшей весной на съезде кинематографистов России была предпринята коллективная попытка найти виноватого и в качестве такового названо, к счастью, не конкретное лицо, а, так сказать, абстрактная субстанция: пресловутый V съезд! Ох уж этот наш вечный синдром “обратного хода”, комплекс “отката” и реванша, постоянные спутники нашей общественной жизни!

“Сжег то, чему поклонялся, поклонялся тому, что сжигал” — неужели это нам на роду написано?! На этот раз сам Сергей Соловьев, наш нынешний лидер, а в то время один из самых запальчивых ораторов V съезда, приносит публичные извинения тогдашним “обиженным”, и сами “обиженные” в лице Станислава Ростоцкого выступают с инвективами в адрес тогдашних “победителей”, и зал, в котором я вижу те же лица, что и в мае 1986-го (Союз наш ненадолго помолодел за эти годы), дружно аплодирует Ростоцкому, как когда-то Климову.

V съезд кинематографистов, напомню, начинался в казенно-официальной обстановке, в Кремле, с полным составом Политбюро в президиуме, не предвещая никаких сенсаций. Это было 13 мая. А уже 17-го случилось небывалое: впервые в нашей жизни за последние по крайней мере пятьдесят лет волей низов, никем не санкционированной, были сменены верха, и новый секретариат Союза во главе с Э. Климовым приступил к радикальному переустройству кинематографа, начав с того, с чего только и следовало начать — с возвращения фильмов, годами лежавших на полке, с упразднения самого этого понятия “полка”, с завоевания свободы творчества как условия нормальной жизни. Еще 13-го об этом не было и речи.

Новый Союз действовал на первых порах с бесстрашной решительностью и напором, не зная слова “нельзя”, порой грубо, с шокирующей яковинской, чтобы не сказать, большевистской непримиримостью, отстаивая — в чем и парадокс — либеральные ценности. Но вот что касается “обиженных”, тут есть, вероятно, свои преувеличения. Никто никого, насколько я знаю, не сжигал со свету, не лишал любимой работы, не утеснял материально и творчески. Не выбрали в очередной раз в руководство. Неприятно, но не смертельно. Избрали не тех, а других — всего-то делов. И это повод извиняться?

Конечно, дело тут не в отдельных персонах. Новый съезд бросил вызов старому. Старый ответил горькой шуткой Элема Климова: “Успехов вам в борьбе за светлое прошлое”.

Это опять были мы, все те же, так и не успевшие обрадоваться свободе, так и не научившиеся жить по-новому... Что же дальше?

Что дальше. Судьба кинематографа, наша судьба по-прежнему зависит от денег на производство. Прокат, как уже сказано, покрывает лишь малую часть расходов. В суматохе акционирования и приватизации, все еще продолжающейся, кинотеатры были переданы в муниципальную собственность и в итоге окончательно потеряны нами. В Германии, где тоже проблемы с прокатом, основная часть фильмов снимается для телевидения, на деньги крупнейших телевизионных компаний, но нам до этого далеко. Поток инвесторов заметно иссякает, в этом году ин вдвое меньше прошлого года. Роскомкино и его руководитель Армен Медведев героически добывают средства из бюджета, которые никогда в бюджет не вернутся. Это средства на выживание прежде всего киностудий. Наш польский друг Кшиштоф Занусси как-то высказался в “ЛГ”, что ему стыдно получать деньги на фильмы за счет врачей и учителей, и я его очень понимаю. Это безумие вечно продолжаться не может. Нужны какие-то новые усилия, может быть, законы. Ситуация не фатальная. Живет же кино в других странах в условиях рынка. Здравый смысл подсказывает, что кино как часть массовой культуры должно позаботиться о себе само, искусство же как акт духовный, произведения “штучные” — пользоваться заботой государства.

Придем ли мы к этому? Да уж конечно. Никуда не денемся. Может быть, если перейдем от жалоб и стонаний, от сакраментального “кто виноват?” к другому вечному вопросу: “что делать?” — все наконец (дожить бы только!) встанет на свои места.

Анатолий ГРЕБНЕВ

Ностальгия еще не конец света

Выживем, никуда не денемся,

утверждает известный кинодраматург

Лит. газета. — 1994. — 19 окт. — с. 8.

как видите, где-то еще получают. Мой друг, питерский режиссер, поделился своим открытием: если просишь ссуду с клятвенным обещанием вернуть — не верят, “посылают”. А вот просто так, на бедность, ради святого искусства — находят еще добрые люди...

И сколько таких загадок!

Я недавно вернулся с фестиваля в Выборге под многозначительным названием “Окно в Европу”. В течение восьми дней его участники и гости, общим числом до 200 человек, живя в прекрасных условиях, на всем готовом, смотрели новые отечественные фильмы, 11 членов жюри под председательством Марлена Хуциева делили награды (в данном случае наградой была государственная поддержка фильма в прокате, то есть деньги на печатание тиража — царский подарок по нынешним временам). А одновременно проходил — уже, кажется, в третий раз — фестиваль “Киношок” в Анапе, а перед тем “Янтарная пантера” в Калининграде, “Созвездие” — на Днепре, на теплоходе, а следом начинался “Золотой Дюк” в Одессе, а всего фестивалей у нас сейчас 12 или даже 14, такого еще не было. Вот и говори после этого об упадке отечественного кино!

И тем не менее жалобы и причитания слышишь на каждом шагу. Люди, которым уж, казалось бы, грех жаловаться, и те поддались общему настрою и при любом случае сетуют на жизнь и вздыхают по ушедшим временам. Что поделаешь, мы живем в стране, где не принято на вопрос “как дела?” отвечать “окей” и где испокон века всякое преуспеяние выглядело подозрительным.

С другой стороны, есть от чего впасть в тоску. Одно только зрелище огромных ангаров-кинотеатров, сданных под автосалоны и выставки-продажи, с двумя десятками случайных посетителей в сохранившемся зрительном зале кого угодно может привести в шок. Прощай, уникальный советский кинематограф с его многомиллионным зрителем, когда цифры 10, 20 и даже 40 миллионов посещений одного фильма никого не удивляли, а, скажем, 5 миллионов указывали на провал в прокате; с небогатыми, но исправно действующими киностудиями; с нашими бурными семинарами в Болшеве и Репине, где никто не говорил про деньги... В один из недавних приездов на “Ленфильм” я увидел пустую студийную столовую, стулья ножками вверх на столах: кормить некого, штат студии сокращен наполовину. Все это нужно пережить.

И все же повсеместные всхлипы и причитания коллег мне не кажутся, мягко говоря, убедительными, порой же напоминают картинку, виденную недавно по ТВ, когда депутат парламента в одной из наших бывших республик, весьма упитанный мужчина, заявил с трибуны, что объявляет голодовку. Прошу прощения, если кого-то обидел.

Не могу отделиться и от другой мысли: невзгоды и унижения, о которых мы говорим, явились не сейчас, с началом реформ, а были и в прежние благополучные времена, только касались не нас с вами, а других людей, и мы об этом знали и не впадали в истерику. Молчали. О Муратовой, о Германе, о Сокурове, о запрещенных “Агони”, “Теме”, “Комиссаре” — можно продолжать этот список. О людях, которые, помимо всего прочего, годами сидят без зарплаты, и хоть бы кто словом обмолвился — даже уже при Горбачеве, в мае 1986-го, в первый день нашего V съезда, подчеркиваю, в первый день. О дне последнем я еще скажу...

Ностальгия по прошлому — это еще и возрастное, что там ни говорите. Вздыхая по былому, не вздыхаем ли мы о собственной молодости, о внимании и славе, коими многие из нас не были обделены? Сменились эпохи, “другие юноши поют другие песни”, и с этим фактом, как показывает опыт, не так-то легко примириться.

Да и то сказать, времена несвободы далеко не всеми ощущались как нестерпимые. Многие из нас, художники вполне прогрессивного направления, в общем-то освоились в той жизни и подчас преуспевали в ней. Прогрессивные убеждения, скажем так, умеренного толка обеспечивали по крайней мере моральный комфорт — признание публики, уважение коллег, а порой, как ни странно на первый взгляд, и поддержку властей, чиновников среднего звена, тоже зараженных либеральными настроениями. “Я делаю себе карьеру тем, что не делаю ее”, — написал поэт-трубадур

законодателем стиля. Смее утверждать, что такая сценаристика, как бы она потом ни претворялась на экране, служила обогащению искусства кинематографа. Явление это, конечно, уникальное, связанное, как ни странно, с нашей российской непрактичностью и советской нищетой. Потому что где же еще сценарист — не поэт, не прозаик — умудрится писать заведомо в стол или “в никуда” за аванс в 1500 рублей, после которого, если постараться, получишь еще столько же “за поправки”. Наша бедность была нашей независимостью. Вопрос “Как хорошо продать хороший сценарий” (название книжки нашего коллеги, изучившего стандарты Голливуда) еще не стоял на повестке дня. Мы позволяли себе работать не на конкретного режиссера, самостоятельно, и в результате все-таки появлялись фильмы, за которые и сейчас не стыдно, отмеченные, между прочим, и индивидуальностью авторского сценариста, если этот сценарист Габрилович или Шпаликов, Клепиков или Григорьев, Рязанцева или ранний Мережко. Что с ней будет, с нашей сценаристикой, ориентированной сегодня всецело на производство, на продажу? Авансов студии теперь не дают — каково же молодым, делающим первые шаги? Найдутся ли среди них еще охотники писать в стол, без малейших гарантий? Вопрос, который волнует меня не только в связи с судьбой сценаристики!

Все изменилось. Еще несколько лет назад, помните, в дни международного фестиваля в Москве у кинотеатров стояли очереди, а в сквере на Пушкинской площади с утра толпилась биржа сумасшедших киноманов с билетами. И все это тоже позади. Кинематограф на наших глазах, вот за эти последние два-три года, потерял широкого зрителя, перестал быть самым массовым из искусств, как писались на всех плакатах, а запретный плод круглого заграничного фильма стал доступен каждому: видеокассеты на любой вкус — в киоске на углу.

К этому шло. Признайтесь, читатель, когда вы в последний раз были в кинотеатре — вот в этом бетонном ангаре, где сейчас, как мы уже говорили, торгуют автомобилями и стиральными машинами? А что там еще прикажете делать? Умники архитекторы понастроили этих коробок в 60 — 70-е годы, не потрудившись взглянуть в завтрашний день кинематографа, который для европейских городов уже тогда был сегодняшним и даже вчерашним. Сперва телевидение, затем и индустрия видео меняли картину киномира. Пришло это наконец и к нам. Кого винить?

А уж нагрянувшие на нас свобода слова и гласность вовсе изменили роль кино в жизни населения или, скажем громче, общества, “ибо когда всякий может говорить о чем угодно, поэту остается только молчать”. Это цитата из маркиза де Кюстина. Знаменитый французский путешественник еще полтора века назад узрел преимуществ “тайной свободы” россиян. “Видения, аллегории, иносказания, — продолжу цитату, — вот средства выражения поэтической истины. Режим гласности убивает эту истину грубой реальностью, не оставляющей места полету фантазии”. Ну что тут скажешь!

Нам еще предстоит понять, как будет жить искусство в этих новых для нас условиях — станет ли оно просто развлечением, как предрекают многие, или все-таки останется кафедрой, как было всегда в России. Как и чем вернем зрителя? Чем будем удивлять?

На фестивале в Выборге были достойные картины. Симпатии жюри, как обычно, раздвигались между традиционным кино и авангардом. Я, признаюсь, отдал предпочтение фильмам, в которых, как в скромных “Незабудках” Льва Кулиджанова — Натальи Фокиной, герои возбуждали в нас живое чувство сопереживания — роскошь, почти утраченная нашим новым кино. Таков и “Счастливы неудачник” Валерия Быченкова по довоенной прозе Вадима Шефнера — счастливый и удачный дебют 50-летнего второго режиссера с “Ленфильма”, на редкость единодушно принятый и публикой, и жюри. В изысканных “Увлеченьях” Киры Муратовой тоже есть герой, вызывающий к себе интерес, и это в данном случае сам автор-повествователь, увлекший нас в свой причудливый мир... Надо сказать, что фильмы в Выборге, как простые для восприятия, так и рафинированные, собирали неизменно полные залы, а десятиминутные фильмы-ме-